

О некоторых тенденциях в неологии XXI в.

В современном стремительно меняющемся мире язык по-прежнему остается основной формой общения между людьми. Его важнейшей функцией является фиксация изменений в таких сферах человеческого бытия, как политика, экономика и культура. Масштабные геополитические процессы, происходящие в мире, приводят к тому, что в социальной сфере, а за ней и в языковой неизбежно отражаются тенденции, которые можно назвать космополитическими в понимании, присущем этому термину еще в эпоху Диогена.

Глобализация проявляется наиболее ярко в самой подвижной и чувствительной части языка – его лексике. Скорость и масштабность изменения словарного состава языка под наплывом новой заимствованной лексики дают основание говорить о своего рода лексическом взрыве, происходящем во всех развитых языках мира, в том числе и в русском языке. Автор «Толкового словаря современного русского языка» Г.Н. Складневская справедливо отмечает: «Языковые изменения последнего десятилетия, насыщенные стремительными общественными переменами, социальными потрясениями, вызвали настоящий лексический взрыв, послуживший объектом пристального внимания исследователей, которые отмечают... появление огромного количества неологизмов в этих сферах» [2;9].

Анализ экстралингвистических причин, лежащих в основе данного процесса, приводит к ряду очевидных выводов. Популярность англицизмов (а именно они составляют львиную долю заимствований) определяется социальной престижностью как самих явлений, «перекочевавших» в русскую культуру с Запада, так и их наименований, употребление которых делает речь более терминологичной и «вычурной». Примером подобного явления может служить слово «винтаж», пришедшее в русский язык из французского через английский. Во французском языке слово имело довольно узкое значение – «вина или урожай определенного года и возраста». Поскольку срок хранения вина является одним из определяющих факторов его качества, при заимствовании этого понятия сферой моды термин «винтаж» стал употребляться в отношении одежды, либо созданной десятилетия назад, либо современной, но отражающей веяния начала – середины XX в. В широком смысле слово «винтаж» в настоящее время – это любые предметы обихода: одежда, автомобили и пр. в стиле ретро. Следует отметить, что данный термин прочно закрепился в русском языке еще и потому, что является очень «емким» понятием, аналогов которому просто не существует в автохтонной лексике. Для его точной передачи нужно было бы использовать довольно громоздкое определение, например: «предмет старины (или

имитирующий старину), популярный в настоящее время». В данном случае, заимствованная лексема явно выигрывает в плане образности и экономии языковых средств. К группе подобных примеров мы можем отнести и следующие: «гламур», «бонус», «дресс-код», «маржа», «ток-шоу» и др.

Кроме того, к этой же группе, с нашей точки зрения, примыкают также семантические кальки, появившиеся в русском языке в конце XX – начале XXI в. Они, как правило, являются заимствованиями, передающими новые комплексные феномены в социальной, политической и научной сферах и априори входят в разряд интернациональных понятий. Это такие коллокации, как «дорожная карта», «горячая линия», «алгоритм обратного распространения» и т.п. Многие словосочетания подобного рода становятся терминами и прочно закрепляются не только в данной конкретной сфере, но и входят в повседневную речь. Необходимо признать, что здесь мы имеем дело с ситуацией, в которой никакая, даже самая консервативная языковая политика не может оказаться эффективной в попытках заменить эти понятия исконными.

Не менее многочисленны, однако, примеры недавних заимствований, которые имеют синонимы, довольно продуктивно функционирующие в русском языке не одно десятилетие или даже столетие. Так, русские слова «доброволец» и «добровольчество» активно вытесняются англицизмами «волонтер» и «волонтерство», а лексема «автобиография» практически «капитулировала» перед «резюме». При этом уместность замены зачастую представляется довольно спорной, а иногда необдуманый механический перенос ведет к логико-семантической ошибке или неточности. Так, например, в электронном варианте «Газета.ru» мы читаем: «Причиной блэкаута в Ленобласти и Петербурге стал поврежденный кабель противоаварийной защиты». Учитывая, что в английском языке слово «блэкаут» трактуется как «затемнение, светомаскировка; временное отсутствие электрического освещения (обычно вследствие аварии)», на первый взгляд, фраза кажется корректной. Но далее по тексту мы выясняем, что отключение произошло в 18:37 в летнее время в Санкт-Петербурге и длилось около часа, т.е. оно пришлось на светлое время суток. Прямой смысл слова “blackout” – не просто отключение электроэнергии, а именно затемнение, отключение в ночное время. Этот термин, например, точно описывал ситуацию, произошедшую в канадском Квебеке около 6 лет назад, когда трансформаторные мощности вышли из строя именно в ночное время. Впрочем, может оказаться, что мы имеем дело с расширением значения лексемы в принимающем языке, что предстоит выяснить в ближайшее время.

Другим следствием необдуманного употребления заимствования может стать непонимание или неполное понимание текста, перенасы-

щенного подобными единицами. Рядовой слушатель или читатель, не владеющий английским языком, может просто не суметь декодировать такие языковые знаки, как «афтершок» (повторный толчок во время землетрясения), «коуч» (тренер), «сиквел» (продолжение фильма/книги), «трендсеттер» (законодатель моды) и многие другие. Не лишним будет подчеркнуть и явную фонетическую неблагозвучность отдельных новых заимствований, например многочисленных транскрипций и транслитераций английских герундиев: «краудфандинг», «коворкинг», «фандрайзинг», «дауншифтинг» и т.п. Ассимиляция подобных «пришельцев» – долгий и не всегда эффективный процесс, поскольку происходит активная интерференция фонетических законов принимающего языка и языка-донора. Принимающий язык зачастую долгое время не может определиться с однозначным произношением заимствования. Так, например, на сегодняшний день в русском языке есть два способа передачи англицизма “reception”: «ресепшн» и «рецепция». При этом первый способ несколько противоречит устоявшейся тенденции передачи в подлинных случаях скорее звуковой формы, нежели его графического начертания (ср. “retail” – «ритейл», “feedback” – «фидбэк»). Кроме того, буквосочетание «пшн» непривычно для русского языка, поэтому в неформальном стиле общения нередко можно услышать вариант «ресепшэн». Второй способ передачи данного англицизма, казалось бы, более привычен в своем традиционном фонетическом оформлении (ср.: акция, мобилизация), но, тем не менее, гораздо реже встречается в речи.

И, наконец, среди заимствований есть лексемы, появление которых в русском языке не оправдано ни с точки зрения передаваемых ими оттенков, ни с точки зрения стиля, ни, тем более, с точки зрения возможностей эффективности ассимиляции в принимающем языке. Это слова и словосочетания, реально засоряющие русский язык. На наш взгляд, к этой категории слов и коллокаций можно отнести следующие «инновации»: «хедлайнер», «бокс-офис», «вендинг» или совсем уж удивительную кальку «терминальная ошибка». Нужно быть лингвистом, чтобы понять смысл этих выражений, и совершенно не обязательно им являться для того, чтобы задать закономерный вопрос, чем хуже такие привычные лексемы, как «гвоздь программы/герой дня», «касса», «продажа» или «роковая ошибка»?

Кроме чисто эстетических соображений, диктующих выбор между автохтонным словом и заимствованным, есть и факторы другого уровня, оказывающие мощное влияние на неологию в социально-политической сфере. Это так называемые стратегии речевой манипуляции, цель которых – оказать запрограммированное воздействие на аудиторию. Одной из самых активно используемых стратегий является сознательная подмена понятий иностранными терминами, которые «ретушируют» сему, пере-

дергивают коннотативное значение или акцентируют внимание только на одном аспекте данного явления. Так, по сути дела, произошло со словом «коррупция», которое можно услышать с экранов телевизоров практически каждый день. Кроме хрестоматийного значения, присущего данной лексеме еще в древней латыни – «подкуп и продажность должностных лиц», есть и другое, которое явно не афишируется на российской политической сцене – «разложение». И это неудивительно, поскольку не составит труда представить, какую эмоциональную реакцию должна вызвать точная интерпретация фразы «Страна охвачена коррупцией».

Круг причин, вызывающий активный приток неологизмов – заимствований в русский язык, далеко не исчерпывается описанными нами выше. Более того, по известному постулату социолингвистики, единство экстралингвистических и внутрилингвистических факторов, влияющих на данный процесс, обладает определенной исторической подвижностью: в определенные периоды развития социума эти «весы» способны отражать растущую роль той или иных детерминирующих факторов. По меткому выражению Е.Б. Кургановой, «чем богаче язык, тем больше он нуждается в новых словах, которые заполнили бы его растущую емкость» [1: 71]. Вопрос лишь в том, как должна выстраиваться официальная языковая политика государства и каким образом сам социум обязан реагировать на изменения, происходящие в национальном языке.

Библиографический список

1. Складаревская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо. 2008. 1136 с.
2. Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте. Воронеж, 2004. 124 с.